

пали, шарпали, шарпали, шарпали, набрали много чего, тутъ и денегъ и золота. — „Ну, бають, будетъ, подемте домой“. А мужикъ исподтиха вылѣзъ изъ гроба, — онъ все слушалъ, что они тамъ дѣлали. Взялъ спичками обмаралъ лицо да и сталъ у стѣны. Какъ пошли разбойники, онъ и обворотился къ нимъ. Разбойники такъ тутъ и упали. спички то вѣдь свѣтятся, когда ими намажешь что, и у него морда то въ свѣту вся, а разбойники думали, что онъ святой. Такъ и умерли тутъ всѣ. Мужикъ подобралъ всѣ коробки ихніе да и ушелъ домой. Богато сталъ жить тогда.

Орловскій у., д. Вилки Левинской вол. Записано со словъ кр. Авдотьи Горевой. 1882 г.

130. [Мачеха и пасынокъ].

Жилъ царь, а у царя одинъ сынъ былъ. Мачиха не одѣваетъ и не жонить его. Вотъ онъ наклался и пошелъ вдоль дороги. А навстрѣчу ему идетъ Богъ. „Ты, говорить, что паренъ горюешь?“. Вотъ онъ и говоритъ: „забijaетъ, говорить, меня мачиха, не одѣваетъ и не жонить. Какъ тутъ мнѣ не горевать?“ Богъ ему и говоритъ: „ты отступись отъ еѣ, наплевать, а лучше сдѣлай вотъ что: возьми чарушку пшеницы и уйди на подсѣку и посѣй. Какъ вырастетъ та пшеница, прибѣгутъ 3 куничи, онѣ не три куничи, а 3 дѣвицы. Ты пымай одну за хвостикъ, переломи хвостикъ и взади и впереди брось. Тутъ тебѣ и будетъ дѣвица; ты и женись на ней“. Ладно. Пошелъ Иванъ-царевичъ, взялъ чарушку пшеницы, ушелъ на подсѣку и посѣялъ. Только прибѣгаютъ тутъ 3 куничи, то не 3 куничи, а 3 дѣвичи. Взялъ пымалъ онъ одну за хвостикъ, переломилъ его и взади и впереди бросилъ, тутъ и вышла дѣвица. И говоритъ она Ивану-царевичу: „пымать то ты меня пымалъ, да только не совсѣмъ“. — „А какъ же, говорить, не совсѣмъ я тебя пымалъ“. — „Да вѣдь у меня, говорить, имѣнья то совсѣмъ нѣтъ ничего. Я живу одна, какъ барыня, за тремя морями, за тремя полями да за тремя лѣсами“. И стала она его просить: „отпусти меня, Иванъ-царевичъ, за имѣніемъ; я тебѣ приплавлю ево на корабляхъ“. Богатѣюща была вѣдь. — „Да ты, говорить, меня про-

манишь“.—„Нѣтъ, поштѣ промануть, приплавлю. Только ты ужь отпусти, да мотри, у рѣки дожидай меня“. Иванъ-царевичъ отпустилъ ее и пошелъ домой.

Наутрѣ всталъ, умылся, нарядился, волосы причесалъ и пошелъ на рѣку. У мачихи Ягѣбабы былъ сынъ, 10 лѣтъ ему было. Вотъ мачиха—Ягѣбаба и говоритъ ему: „возьми моего сынка съ собой погулять“.— „Пойдемъ“, говоритъ. Ладно, пошли. Онъ три булабочки въ голову воткнулъ и пошелъ. Сидятъ на рѣкѣ. Ягѣбабинъ парень сонъ и напускаетъ на жониха: мать-то его проводила съ этими фигурами. Жонихъ заснулъ. А тутъ и невѣста пристала, три корабля приплавилъ, все имѣньичо свое. Видитъ: жонихъ спитъ и безъ чувства. Она его будитъ, со слезами будитъ: „ты, говоритъ, вѣрно, осердился на меня. Топерь я только три карабля приплавилъ, а то на шесть кораблей имѣнья привезу“. Она и говоритъ сыну то мачихи: „какъ проснется онъ, ты скажи ему, чтобы онъ не сердился, 6 булабочекъ воткнулъ въ голову. Я на 6 карабляхъ прѣйду. Неужь онъ не встанетъ? Можетъ, прочувствуется. Такъ и скажи ему“, говоритъ.

Уѣхала она. Потомъ онъ проснулся и говоритъ: „была ли здѣсь моя невѣста?“—„Была“. „Подлецъ, ты сукинъ сынъ! зачѣмъ ты меня не разбудилъ?“— „Ды сколь тебя будили, а ты все спишь. Кой прахъ тебѣ велѣлъ такъ крѣпко спать?“ Вотъ и пошли домой. Наутрѣ удѣлалъ себя, какъ слѣдуетъ, головку вычесалъ, шесть булавокъ воткнулъ и идетъ къ рѣкѣ. А мачиха—Ягѣбаба и говоритъ своему сыну: „ты мотри, не робь, не оставайся отъ его“; туритъ его, туритъ, безъ чувства туритъ. Ну, онъ и пошелъ вмѣстѣ съ нимъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ему: „да ты что, говоритъ, парнѣшко, за мной увязался?“— „Да я, говоритъ, ничего: мнѣ мамка велѣла“.— „Ну, такъ иди, говоритъ, сиди: мѣста то не жалко“.

Вотъ пришли, сѣли. За полчаса время и сталъ парнишка сонъ напускать на Ивана-царевича. Онъ заснулъ. А тутъ и дѣвица пловѣтъ. Глядитъ, а онъ спитъ ужь. Она его будитъ: „встань, говоритъ, голубчикъ мой, полно тебѣ спать то!“ И ужь, Господи помилуй, какъ она его будила. Будила, будила,—нѣтъ, не могла добудиться. Такъ и уѣхала, простилась, поцѣловалась: „прощай, говоритъ, не сердись: по-

ѣду, — еще больше привезу, коли ты этимъ недоволенъ“. Наказала парнѣшкѣ: „ты, говоритъ, скажи ему: завтра пріѣду на 9 корабляхъ, ошпо больше имѣнныча привезу. Пусть въ головку воткнетъ 9 булавочекъ“. Ну, и уѣхала.

Вотъ онъ просыпается, говоритъ: „была невѣста?“ — „Была“. — „А ты поштѣ меня не разбудилъ?“ — „Я, говоритъ, будилъ, и она будила, да что тутъ сдѣлашь? мертво спишь“...

Вотъ онъ это дѣло смекнулъ, видитъ: не чисто, и говоритъ: „ты ради Христа не ходи со мной“. Пошелъ и не беретъ его. Ягѣбаба ему и говоритъ: „его бери, нельзя не взять: рѣжанечъ будетъ—тебѣ али бы мнѣ“. Ну, взялъ дѣлать нечего. Пришли на рѣку, парнишко и опять сонъ на него наводитъ. Онъ опять уснулъ. Пріѣзжаетъ дѣвица на 9 корабляхъ, а онъ спитъ опять. Она будитъ его зачала, будила, будила, будила, ни-сколь не чувствуетъ, что хошь дѣлай съ нимъ. Потрясла, его, на ж... посадила, говоритъ: „ради Бога, пожалѣй-же ты меня: близко-ли имѣннычо везла: изъ-за трехъ морей пригнала“. Нѣтъ, все спитъ. Отступилась, говоритъ: „пу-щай топерь ищетъ меня за 3 морями, за 3 землями, за 3 рѣ-ками. Коли хочеть, пусть скуеть 3 шляпы мѣдныхъ, 3 копыя желѣзныхъ, тогда и поди. Когда истычетъ копыя и изно-ситъ шляпы, тогда и меня найдетъ“.

Проснулся онъ, а парень ему и говоритъ, рассказалъ все. Вотъ онъ и пошелъ въ кузничу и сковалъ себѣ 3 копыя желѣзныхъ да 3 шляпы мѣдныхъ, да и пошелъ вдоль дороги. Море перешелъ, землю перешелъ. Шляпа изнасилась, и копые одно истыкалось. Тутъ и пришелъ къ избушкѣ, а въ ней старушка. Старушка и говоритъ ему: „ты куда, молодець, поклялся?“ Иванъ-царевичъ и гово-ритъ: „да вотъ, баушка, пожениться захотѣлъ и то Богъ насъ лючки не свелъ. Што мнѣ топерь дѣлать, не знаю“. А баушка ему и говоритъ: „ты поди, Иванъ-царевичъ, дальше. Тамъ есть—моя сестра живетъ. Ты къ ней и ступай. Она съ ей гостичча. Ты какъ ей скажешь, она и залучитъ не-вѣсту въ гости. Тутъ ты и увидишь ея. Ступай топерь“. Вотъ онъ и пошелъ. Шелъ, шелъ; море перешелъ, землю перешелъ, рѣку перешелъ. У него шляпа изнасилась, копые истыкалось. Видитъ: стоитъ избушка, а въ ней старушка. Онъ и спрашиваетъ ее: „что, говоритъ, далеко ли мнѣ до моей невѣсты? ты вѣдь, поди, знаешь, гостишься съ ей“. — „Нѣтъ,

Иванъ-царевичъ, я не знаю. А ты вотъ поди дальше, тамъ живетъ моя сестра старшая. Онѣ съ ней такъ гостячча. Ты и спроси у ней: „гдѣ, молъ, моя невѣста? Она тебѣ и расскажетъ, въ гости ее залучить, а ты спрячься да и слушай, что будетъ невѣста говорить. Тутъ ты и узнаешь, сердчо то болитъ у ее али нѣтъ по тебѣ“. — Ладно, пошелъ онъ.

Шелъ, шелъ. Море перешелъ, землю перешелъ, рѣку перешелъ. Шляпу износилъ, копье изломалъ и пришелъ къ избушкѣ. Глядитъ, а въ ей старушка сидитъ. Онъ ей и говоритъ: „не знаешь-ли, говоритъ, баушка, гдѣ мнѣ-ка невѣсту нایتить“? — „Знаю, говоритъ, она мнѣ креснича приходится“. — „Залучи, говоритъ, ты въ гости ее, я хоть бы посмотрѣлъ на нее, что она, любитъ ли меня ошшо“. Вотъ Ягѣбаба и послала за ей, наказываетъ, чтобы въ гости приходила. А сама Ивана-царевича въ подполь посадила: „сиди, говоритъ, тутъ топерича, а какъ придетъ она, ты и слушай, что будетъ говорить. Тутъ и свою судьбу узнаешь“. Иванъ-царевичъ сѣлъ тамъ и слушаетъ. Вотъ приходитъ невѣста. Ягѣбаба за столъ ее садила, почитала всѣмъ. То да се, вотъ и спрашиваетъ ее Ягѣбаба: „ты, кресенка, замужъ выходила, да не вышла“. — „Да какъ ты, говоритъ, знаешь это?“ — „Да ужъ знаю, говоритъ, и жониха твоео знаю“. — „Да нѣтъ, говоритъ, быть не можетъ, штобы знала. Вѣдь онъ, чай, далеко: за 3 морями, да за 3 землями, да за 3 рѣками остался. Какъ тебѣ его знать?“ — „Да ужъ я знаю“, это Ягѣбаба то говоритъ. А невѣста и сказала: „я, говоритъ, вышла за него замужъ, прѣхала къ ему съ 3 кораблями приданаго — онъ меня не принялъ, осердился, знать, что мало привезла. Ну, я опять поѣхала, привезла шесть кораблей — онъ опять меня не принялъ. Я привезла девять кораблей — тоже не принялъ. Все спитъ, все ему мало. Эсколь близко-ли, далеко-ли везла — спаси, Господи! Топерь ужъ у меня сердце къ нему отпало“. И нисколичко не жалѣетъ его: „какъ, говоритъ, увижу его, такъ и съѣмъ. Пусть лучше и нейдетъ сюды“. Иванъ-царевичъ слушаетъ въ подпольѣ; видитъ — дѣло не рука, такъ и не вышелъ, просидѣлъ тамъ. Ягѣбаба и спрашиваетъ кресничу: „скажи, говоритъ, креснича, чѣмъ ему можно твое сердчо приворотить, чтобы, значитъ, ты опять его полюбила“. Креснича и

отвѣчаетъ: „Есть тутъ на морѣ дубъ, въ дубѣ кобылья голова, а въ головѣ—утка, а въ уткѣ—яичко, а въ яичкѣ—мое сердцо. Какъ достанетъ онъ его, такъ я опять его сплюблю, а то, дакъ нѣтъ, и не дожидайся“. Сказала и сидѣть не стала больше, сичасъ вскочила и ушла.

Баушка сичасъ выпустила его изъ подполу, говоритъ: „ступай топерь, ищи дубъ, поди прямо на восходъ“. Пошелъ Иванъ-царевичъ. Пришелъ въ городъ, видитъ: на площади стегаютъ слугу Василья калѣнымъ прутьямъ, просятъ недоимку въ тридцать рублей, тридцать рублей податей. Иванъ-царевичъ и спрашиваетъ ихъ: „что, говоритъ, вы это дѣлаете?“—„Да вотъ выколачиваемъ тридцать рублей недоимки съ слуги Василья Петровича“. Ладно, онъ взялъ, вынулъ изъ-за пазухи деньги, отдалъ имъ. „На-те, говоритъ, вамъ, только пустите его“. Такъ и скупилъ. Хорошо. Василья пустили. Пошли они тутъ вмѣстѣ. Идутъ, идутъ, видятъ—волкъ. „Давай, говоритъ, застрѣлимъ его: жарѣха добрая будетъ“.—„Нѣтъ, погоди, говоритъ, онъ тебѣ, Иванъ царевичъ, пригодится“. Послушалъ Иванъ-царевичъ, не застрѣлилъ волка, мимо себя пропустилъ. Летитъ коршунъ. Иванъ-царевичъ говоритъ: „ой, вотъ жареха то и есть; застрѣлимъ его“. Василий опять сдержалъ его: „погоди, говоритъ, не бей, можетъ, пригодится на нужное время“. Идутъ дальше. Видятъ: на пескѣ рыбка лежитъ, трепыхается. „Ой, вотъ, говоритъ Иванъ-царевичъ, намъ Богъ посылаетъ, будетъ жарѣха“.—„Нѣтъ, погоди, Иванъ-царевичъ, можетъ, пригодится. Пустимъ-ка ее въ море; это лучше будетъ“. Ладно, пустили. Вотъ и идутъ дальше. Глядятъ—анъ середь моря дубъ стоитъ, въ солнышко смотрится, облачкомъ закрывается. Василий и говоритъ: „вотъ этотъ дубъ и есть. Какъ бы намъ туды пробраться?“ Стали строиться. Мостили, мостили, бревенъ натаскали, вицами связали,—а до дуба далеко было. Ужь они мостили, мостили—нѣтъ, все далеко ошшо остается. Рубили, рубили—срубили таки. Дошли до дуба. Только Василей-слуга ножикъ вынимаетъ, говоритъ: „онъ у меня благословенный, отъ святителя Тихона“, да какъ началъ рѣзать имъ, только щепки полетѣли. А тутъ и голова конска вылетѣла изъ дубу. Волкъ сичасъ тутъ и есть, тербитъ голову изо всѣхъ силъ-мочи. Изъ головы вывалилась утка. Тутъ коршунъ прилетѣлъ; какъ началъ клевать ее, какъ

началъ клѣвать, сичасъ разхмысталъ. Яичко и вывалилось изъ её, покатилося, покатилося да въ море и свалилося. А тутъ рыбка dospѣла, выпехиваетъ яичко изъ воды. Выпехивала, выпѣхивала и выворотила на бережокъ яичко. Иванъ-царевичъ сичасъ хватилъ и подобралъ яичко; говоритъ: „спасибо тебѣ, рыбка. Хотѣлъ я жарѣху изъ тебя сдѣлать, а топерь ты добро сдѣлала мнѣ, такъ и будь же ты въ морѣ“.

Пошли тутъ къ баушкѣ Ягѣбабѣ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ей: „вотъ, говоритъ, мы достали яичко, топерь какъ быть?“ Топерь она заперла ихъ опять въ подполъ, а сама чарушку яичъ принесла да на столъ поставила, а передомъ яичко съ сердчкомъ положила. Потомъ послала за невѣстой. Ну, пришла она. Баушка садитъ ее за столъ, почитаетъ всѣмъ. Невѣста съѣла свое сердечко, облупила яичко и съѣла его какъ быть. Съѣла да и обзаботилась; такая ли сидитъ задуманная, страсть! Баушка ее и спрашиваетъ: „що ты, говоритъ, такая закручинная? що пуще не покушала?“ — „Да что, у меня теперь горе есть“. — „Какое же такое твое горе?“ — Да какъ же, говоритъ, жаль мнѣ мово парня стало“. — „Ну, такъ ты, говоритъ, не заботься, я тебѣ жониха достану“. — „Неужля? говоритъ. — „Пра, говоритъ достану“. — „Я, говоритъ, тебѣ много тысячъ денегъ тебѣ дамъ, только достань“. — „Достану, говоритъ, кресненька, достану“. — „Гдѣ ужъ тутъ достать? Онъ топерь за тремя морями, за тремя землями да за тремя рѣками остался. Эсколь я плавала, эсколь долго... Гдѣ ужъ тутъ!“ — „Ты, вѣришь Богу, достану, говоритъ“. — „Достань, говоритъ, достань пожалуста“. — „А коли хошь, такъ давай сюды руку, чтобы тебѣ ничего ему вреднаго не сдѣлать“. — „Ничего не сдѣлаю, вотъ те Микола-крестъ“. Ну, ладно. Баушка тутъ отворила подполье да и говоритъ имъ: „выходите, говоритъ, невѣста больно хочеть видѣть васъ“. Вышли они. Невѣста и говоритъ Ивану-царевичу: „ахъ, говоритъ, дѣша, гдѣ ты взялся?“ — „Я, говоритъ, за тобой пришелъ, три моря перешелъ, три земли перешелъ, три рѣки перешелъ, — вотъ тебя и нашелъ“. — „А ужъ я, говоритъ, это, значитъ, невѣста-то, сколько, говоритъ, я издержалась: вѣдь три разочка за тобой за милымъ ѣздила“. Ну, хорошо. Вотъ она и говоритъ ему: „кма-ли тебѣ имѣньича приправить?“ — „А мнѣ, говоритъ, ничего не надобе. Кабы ты была со мной—вотъ и ладно“. — „Нѣтъ,

говорить, я тебѣ 12 кораблевъ приплавлю, ужь какъ хошь“. Поѣхала сичасъ и припавила 12 кораблевъ. Иванъ-царевичъ и говоритъ ей: „поѣдемъ, говоритъ, на старину“. Такъ и поѣхали. Василья то съ собой взяли, какъ онъ помогъ больно ему. А Ягѣбаба дома осталась: „куды ужь, говоритъ, мнѣ съ вами ѣхать—кости ломать“. Поѣхали, значитъ. Какъ увидала мачиха, что плывутъ они, сичасъ запиряла, запиряла. Ну, они тутъ ее и разстрѣляли. Такъ и стали жить Иванъ-царевичъ съ своей невѣстой.

Орловской у., д. Калямова 1882 г.

131. [„По колѣна ноги въ золотѣ....“].

Жилъ царь, богатой-пребогатой, а у него была жена, беременна ходила. Растряслась она и принесла ему робенка; говоритъ: „поди ты, супругъ мой любезной, баушку мнѣ приведи“. Царь сичасъ оболокся, пошелъ. Шелъ, шелъ, навстрѣчу ему и попадается Ягѣ-баба. „Ты куды, говоритъ, Иванъ-царевичъ, собрался? сказывай!“ — „Да иду, говоритъ, по баушку: жена вотъ у меня растряслась....“ Яги-баба и говоритъ: „а я, говоритъ, чѣмъ не баушка? сумѣю, небось, повить робенка. Возьми меня“. — „Подемъ!“ говоритъ. Ну, ладно, пришли они домой. Яги-баба баньку стопила, взяла робенка, сносила, помыла, попарила, красненьку рубашечку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку проводила. Взяла сама поросѣнка да и несетъ въ избу, говоритъ: „не далъ Богъ сына, далъ поросеночка“. Посадила за столъ и ушла домой. Ладно. Годъ прошелъ. Только царица и опять понесла; растряслась, посылаетъ царя: „поди, приведи ты мнѣ баушку“. Оболокся царь, пошелъ. Только и видитъ: опетъ ему встрѣчу Яги-баба идетъ, куликаетъ. Остановила его и спрашиваетъ: „ты куда, говоритъ, царь, пошелъ, кака у тебя бѣда приключилась, сказывай?“ — „Да вотъ, говоритъ, иду по баушку; жена, вишь, у меня растряслась“. Ягѣ-баба и говоритъ ему: „возьми меня: чѣмъ я не баушка?“ — „Такъ что, подемъ, говоритъ, все едино“. Вотъ ладно. Пришла Яги-баба, баньку стопила, робенка сносила, попарила, помыла, красненьку рубашку оболокла, на коня посадила, въ руки книжку дала, въ горку прово-